

ДИАЛЕКТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРАВА

© 2018 г. В. Н. Корнев

Российский государственный университет правосудия, Москва

E-mail: prorector_nauka@rsuj.ru

Поступила в редакцию 06.04.2018 г.

Тема определенности и неопределенности права является одной из ключевых для юридической науки и практики. Она имеет существенное значение как для правотворческой, так и для правоприменительной деятельности. В отечественной и зарубежной теории права можно найти различное понимание и несовпадающие методологические подходы к исследованию данной проблематики. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы в контексте основных положений гегелевской “Науки логики” и “Философии права”, трудов зарубежных и отечественных ученых-юристов, составлявших методологическую основу исследования, проанализировать диалектический процесс перехода определенности права **in abstracto** в неопределенность и становление определенности права **in concreto**. В процессе исследования выявлена односторонность выводов отдельных ученых о том, что состояние определенности и неопределенности права проявляется исключительно в области словесных формулировок статей законов и иных нормативных правовых актов. В статье формулируется суждение, состоящее в том, что с философско-правовой точки зрения право как сложное социально-психологическое явление обладает набором (системой) неизменных качественных свойств, присущих только ему как одному из важнейших социальных регуляторов поведения людей. Право по своей природе абстрактно и в то же время конкретно, поскольку его правила и принципы обращены ко всем и к каждому. Следовательно, право **в-себе-самом** представляет диалектическое единство неопределенности и определенности. Неопределенность права **in concrete** обнаруживается в том случае, когда появляются юридические факты, требующие правовой квалификации. Сделан вывод о том, что принятие решения судом или иным правоприменительным органом относительно разрешения конкретной юридической ситуации рассматривается в качестве момента прекращения и снятия противоречия, возникшего между свойствами неопределенности нормы права и фактическими обстоятельствами, т.е. как достижение определенности права **in concreto**.

Ключевые слова: право, норма права, определенность, неопределенность, диалектика, позитивное право, ожидание определенности, автономия воли, гетерономия воли, решение, субъективные права, юридические обязанности.

DOI: 10.31857/S013207690002176-5

В современной отечественной юридической литературе широко обсуждается очень важная теоретическая и практическая тема — определенность и неопределенность права¹, правовая

определенность и т.д. Ученые пытаются исследовать указанную проблему с использованием методологического инструментария, более при- сущего формально-догматической юриспруден- ции, в результате чего, на мой взгляд, большин- ство из них пришли к не совсем удовлетвори- тельным результатам. Ошибки состоят в следу- ющем. Во-первых, исследователи исходят из предпосылки отождествления действующего по- зитивного (писаного) права и права как фено- мена человеческого разума и воли, обусловлен-

¹ Подробный обзор научных исследований по про- блеме определенности и неопределенности права см.: *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018. С. 337–369. В.В. Ершов придерживается (в этом я с ним полностью согласен) термина “определенность права”, считая его наиболее обоснованным

ных материальными, ценностными и историческими условиями жизни общества, а потому определенность и неопределенность рассматриваются исключительно с точки зрения качества языкового изложения норм и принципов права в писанных источниках, а здесь могут возникать неясности и противоречия в силу несовершенства языковых форм выражения сущностных свойств права. Во-вторых, основное внимание ученых сосредоточено на анализе так называемого принципа правовой определенности. В-третьих, в исследованиях, посвященных этой проблематике, нет единства в употреблении понятий и терминов, но существует разноречивость: определенность и неопределенность в праве, правовая определенность и неопределенность, определенность и неопределенность права. Определенность и неопределенность рассматриваются не как парные сущностные качества права, а как самостоятельные и не взаимосвязанные между собой, неизвестно откуда взявшиеся категории, при помощи которых исследуется современное право, и т.д.

На мой взгляд, определенность и неопределенность права представляет собой философско-правовую проблему, поскольку речь идет о сущностных качествах права, остающихся неизменными и характеризующих право в качестве самостоятельного и наиболее важного регулятора человеческого поведения. Для обоснования важности и приемлемости такого подхода к исследованию определенности и неопределенности права в их диалектическом единстве сошлюсь на Гегеля, который писал: “Следовательно, свобода (Гегель считал почвой права, его ближайшим местом, исходной точкой — *волю*, которая *свободна*; так что свобода составляет ее субстанцию и определение. — В.К.), заключается не в неопределенности и не в определенности, но есть то и другое”². Исходя из этого положения, можно сделать вывод о том, что такие сущностные свойства права, как определенность и неопределенность, находятся в диалектическом единстве, и поэтому суждения отдельных авторов о том, что ни философия, ни другие гуманитарные отрасли научного знания, в том числе и юриспруденция, еще не ответили на вопрос, являются ли парными категории “неопределенность” и “определенность”, это по меньшей мере весьма странно³.

Целью настоящей статьи является философско-правовое исследование диалектики определенности и неопределенности права в абстрактном (*in abstracto*) и конкретном (*in concreto*) их проявлении.

Определенность права в смысле *in abstracto*. Свое исследование мы начнем с анализа объективного права, которому в полной мере присуща абстрактность. Вместе с тем оно характеризуется и в не меньшей мере конкретностью, поскольку предписания, содержащиеся в правилах и принципах права, обращены ко всем и к каждому. В этом смысле абстрактность, свойственную правилам и принципам, нельзя рассматривать только как неопределенное явление. Оно диалектически дополняется определенностью. В данном контексте весьма спорным, если не сказать больше, представляется суждение проф. Н.А. Власенко, который пишет, что необходимо различать понятия “неопределенность” и “абстрактность”. Неопределенность, по его мнению, — понятие более емкое, и здесь действует принцип: чем выше уровень абстракции, тем выше уровень неопределенности познавательного результата. “Правовые нормы являются результатом познавательной деятельности человека. Их содержанию также свойственны обобщения и абстрактность как условие юридического регулирования. Здесь исследователь сталкивается с феноменом неопределенности в форме обобщений и абстракций, с помощью которых формулируются юридические понятия”⁴, — отмечает Н.А. Власенко. В этом суждении уважаемого ученого содержится, на мой взгляд, ряд логических противоречий. Во-первых, абстрактность предписаний правовых норм вовсе не означает их исключительной неопределенности. Спору нет, *объективное право представляет собой когерентную совокупность находящихся во взаимосвязях между собой правил, принципов и исключений, характеризующихся известной степенью абстрактности*⁵, т.е. неопределенности. С этой точки зрения оно формально, поскольку законодателью принадлежит лишь абстрактное (неопределенное) решение. Вместе с тем правовая норма, будучи абстрактной, в то же время *уже* содержит принципиальное решение того или ино-

Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 15.

⁴ Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. С. 341.

⁵ См.: Peczenik Aleksander. Scientia iuris — An unsolved philosophical problem // Ethical Theory and Moral Practice 3. 2000. P. 291.

² Гегель. Философия права. М., 1990. С. 67, 75.

³ См.: Власенко Н.А. Категории “неопределенность” и “определенность” в исследовании современного права //

го казуса. В составе правовой нормы фактически дается обоснование наступления определенных правовых последствий. В норме объективного права не описываются конкретные случаи, но формулируется общая правовая идея, которая должна в равной степени иметь значение для множества отличных друг от друга случаев⁶. Научная заслуга в таком понимании и оценке роли предписаний норм объективного права принадлежит немецкому ученому-юристу Ф. Хеку, который, будучи фактическим разработчиком наряду с Р. фон Йерингом “юриспруденции интересов” (*“Interessenjurisprudenz”*), сформулировал новые представления о тезисе каузальности: “Законы являются закреплением и выражением противостоящих друг другу и конкурирующих между собой материальных, религиозных и этических интересов, характерных для правового общества, в познании которых и состоит сущность юриспруденции интересов”⁷. Нормы права в теории Ф. Хека выступают как средство официального нормативного закрепления в законодательстве и ставшая общеобязательной оценка интересов, направленная на регулирование законодателем общественных отношений, поведения субъектов права и разрешение конфликтов⁸.

К тому же право не состоит из юридических понятий: это система правовых норм (правил поведения) и принципов, с помощью которых осуществляется регулирование поведения субъектов права. Рассуждать о том, что право состоит из юридических понятий, означает быть в рамках давно преодоленной “юриспруденции понятий” (*“Begriffsjurisprudenz”*), согласно которой источником права является юридическая наука. По этому поводу еще Гегель писал: “Часто говорят также... о *правовых понятиях*, как они определены в том или ином кодексе законов, между тем как там нет и речи о понятиях, а есть только общие *правовые определения, рассудочные положения, правила, законы* и т.д.”⁹.

Неизменные сущностные качества бытия права в смысле его определенности in abstracto. Эти свойства права определяют его бытие как особого средства регулирования поведения людей, как нормативной формы упорядочения обществен-

ных отношений. Можно сказать, что они составляют априорные основы позитивного права, когда в процессе сравнительного анализа различных систем права обнаруживается, что в историко-правовом измерении они имеют сходство, поскольку оперируют одними и теми же понятиями, отражающими качественные характеристики права. В исследовании сущностных качеств бытия права, придающих ему свойства неизменности, важное методологическое значение имеют отдельные положения гегелевской “Науки логики”, раскрывающие, в частности, смысл такой категории, как “наличное бытие” (*“das Dasein”*): “Наличное бытие есть *определенное бытие*; его определенность есть *сущая определенность, качество*. Своим качеством нечто противостоит *иному*, оно *изменчиво* и *конечно*, определено всецело отрицательно не только в отношении иного, но и в самом себе”¹⁰. И далее: “Качество есть первая, непосредственная определенность”¹¹. В философии Гегеля, что очень важно отметить для настоящего исследования, категория “*определенность*” совпадает по смыслу и значению с категорией “*качество*” [*“Bestimmtheit”* (*“Qualität”*)]¹². Таким образом, *определенность* объективного права — это универсальные сущностные качества, лежащие в основе его бытия. “Сущностные качества права, — писал проф. О.Э. Лейст, — это свойства, характерные для права любой страны и любой эпохи, те качества, без которых права не может быть, без которых оно не действует, не выполняет своей социальной роли”¹³. Именно по набору сущностных качеств, *имплицитно* присущих праву, возможно отграничение его от других нормативных регуляторов, а это уже основной вопрос не догматики права, но философии права.

К сущностным качествам (свойствам) права относится, *во-первых*, его *гетерономность*, т.е. внешний, *тетический*, государственно-властный характер. Моральные убеждения человек, как правило, может формировать автономно, или, иначе говоря, самостоятельно. Право же воспринимается личностью и обществом как нормативно-принудительный порядок, исходящий извне, от какого-либо авторитета: государства, государственной власти и т.д. Проблемы *автономии* и *гетерономии воли* применительно к во-

⁶ См.: Шанн Ян. Основы гражданского права Германии: учеб. / предисл. и пер. с нем. К. Арсланова. М., 1996. С. 5.

⁷ Heck Ph. Gesetzesauslegung und Interessenjurisprudenz. AcP112, 1917. S. 122, 17.

⁸ См.: Heck Ph. Begriffsbildung und Interessenjurisprudenz. Tübingen, 1932. S. 72 ff.

⁹ Гегель. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ Гегель. Наука логики. М., 2005. С. 93.

¹¹ Там же. С. 165.

¹² См.: там же. С. 68.

¹³ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 51.

просам нравственности и права на философском уровне были исследованы И. Кантом в работе “Критика практического разума”. Согласно Канту *автономия воли* является высшим принципом нравственности. “Автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления”¹⁴, — подчеркивал Кант. В теории юридического позитивизма автономией воли обладает государственная власть, которая устанавливает нормы права по своему усмотрению. Иначе говоря, основным источником права и его обязательности для подвластных выступают воля и авторитет государства.

Что же касается *гетерономии воли*, то И. Кант объяснял этот феномен следующим образом: “Если воля ищет закон, который должен ее определять, не в пригодности ее максим быть ее собственным всеобщим законодательством, а в чем-то другом, стало быть, если она, выходя за пределы самой себя, ищет этот закон в характере какого-нибудь из своих объектов, — то отсюда всегда возникает *гетерономия*. Воля в этом случае не сама дает себе закон, а его дает ей объект через свое отношение к воле. Это отношение, покоится ли оно на склонности или на представлениях разума, делает возможным только гипотетические императивы: я должен сделать что-нибудь потому, что я хочу чего-то другого. Моральный же, стало быть, категорический, императив говорит: я должен поступать так-то или так-то, хотя бы я и не хотел ничего другого”¹⁵. Во-вторых, столь же главным качественным свойством права является его *нормативность*. Следует заметить, что нормативность присуща не только праву, но и иным социальным нормам: морали, обычаям и т.д. Однако только нормы права носят *деонтический* характер. Для них, в отличие от других социальных норм, свойственна *представительно-обязывающая* специфика, поскольку в соответствии с деонтическими операторами нормы права они могут быть правообязывающими, правозапрещающими, правопредоставляющими. Г. Кельзен отмечал, что норма устанавливает должное. Говоря о той или иной норме, слово “должное”, конечно же, употребляется в более широком смысле слова, нежели это принято в обыденной речи. В этом смысле о норме говорят тогда, ко-

гда действительная (действующая) норма предписывает определенное поведение, адресат “должен” поступить именно так, и в то же время — о том, кого норма управомочивает: говорят, что он “может” поступать именно так. И наконец, о том, кому в соответствии с нормой права (правовым порядком в нормативном его понимании) разрешено поступать так, говорят, что ему “позволено” поступать так. Допущение того, что каждая норма устанавливает “должное”, означает признание, что этим словом охватываются все возможные нормативные функции.

В деонтической логике под нормой понимают адресованное ее социальному субъекту предписание определенного характера — дозволяющее, запрещающее или обязывающее, указывающее на некое положение дел или действие, которое при наступлении определенных условий является требуемым, желательным или недопустимым¹⁶. Только та норма, которая предписывает (велит) определенное поведение, может исполняться (соблюдаться, использоваться) или применяться. “Поскольку норма не есть высказывание и нужно точно отличать, в особенности от высказывания о ней. Высказывание есть содержание мыслительного акта, норма, следует заметить, составляет содержание акта воли, *интенционально* направленного на определенное человеческое поведение”¹⁷, — писал Г. Кельзен. Именно *интенция* (от лат. *intentio* — намерение, цель, стремление) определяет содержание нормы.

В-третьих, с нормативностью права связана его формальная определенность. Гегель, например, отмечал: “То, что есть право, лишь становясь *законом* (подчеркнуто мною. — В.К.), обретает не только *форму* своей всеобщности, но свою истинную определенность”¹⁸. Отсюда следует: право в своей всеобщности и определенности — это также и языковое явление. Язык — это форма внешнего существования, явления права. Но действительность права характеризуется не только пустой формой, так как форма выражает его сущность. Гегель утверждал: “Действительность — это *единство сущности* (Wesens) и *существования* (Existenz)... единство внутреннего и внешнего есть *абсолютная действительность*”¹⁹.

¹⁴ Кант И. Критика практического разума. 3-е изд., стереотип. СПб., 2007. С. 100.

¹⁵ Там же. С. 100, 101.

¹⁶ См.: “Нормативные системы” и другие работы по философии права и логике норм / К.Э. Альчуррон, Е.В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон; под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб., 2013 (Философия права). С. 23.

¹⁷ Kelsen H. Allgemeine Theorie der Normen. Wien, 1979. S. 21.

¹⁸ Гегель. Философия права. С. 247.

¹⁹ Гегель. Наука логики. С. 482.

Таким образом, объективное право *in abstracto*, право как сложный социально — психологический и нормативный феномен представляет собой абстрактное, но вполне *определенное* явление. Оно в соответствии с перечисленными выше качественными свойствами *положено в самом себе как право* и тем самым отличается от иных социальных регуляторов. Пользуясь терминологией И. Канта, можно сказать, что это — право в себе (*an sich*), *в-себе-бытие*, так как оно предписывает определенное поведение, но это еще не само реальное поведение, а предписанная возможность или необходимость такого поведения. Как писал Гегель, “возможность еще не есть действительность”²⁰.

Следует заметить, что отечественными учеными-юристами, которые посвящают свои труды анализу определенности и неопределенности права, вольно или невольно допускается подмена понятий. Речь идет о том, что ими зачастую отождествляются определенность и неопределенность права с определенностью и неопределенностью *закона* как одной из форм внешнего выражения правовых норм и принципов. Такое допущение наблюдается в суждениях одного из известных отечественных исследователей данной проблематики проф. Н.А. Власенко, который определенность и неопределенность права связывает главным образом с определенностью формы права, т.е. с законодательством. «В связи с этим, — пишет Н.А. Власенко, — неопределенность в нормативных правовых актах есть отступление от логико-языковых и графических стандартов точности выражения права, иными словами, дефект выражения воли нормоустановителя. Вне зависимости от качества неопределенности (логическая, языковая, графическая) она *рассогласовывает* право (точнее все же — *законодательство*. — В.К.), “размывает” его систему»²¹. Приведенные рассуждения в чем-то перекликаются с выводами итальянского ученого-юриста и политического деятеля Б. Леони, утверждавшего, что идея свободы и верховенства *права* (курсив мой. — В.К.) непосредственным образом связана **не с правом, как таковым, а с определенностью закона, т.е. с четкостью его формулировок**²².

В этой связи следует согласиться с выводом, характерным для современной немецкой право-

вой доктрины, о недопустимости отождествления понятий “норма права” (“*Rechtsnorm*”) и “правовое предписание (предложение)” (“*Rechtssatz*”), что достаточно часто встречается в отечественной теории права. Здесь можно сослаться на весьма распространенное среди ученых-юристов словосочетание “норма закона”, о чем высказывался немецкий теоретик права Г. Навяски (*H. Nawiasky*): «Следует отметить, что отождествление высказываний “норма права” и “правовое предложение” может привести к исчезновению из нашего поля зрения нормативного характера права»²³. Из смысла упомянутого разграничения следует вывод, имеющий важнейшее теоретико-методологическое значение: “Теория права отграничивается от правовой догматики на основании того, что ее предметом являются нормы права как таковые, а не предписания определенного закона, установленного государством”²⁴.

Определенность права *in concreto*. Становление определенности права, как для *бытия* — для себя (*Daseinfürsich*) происходит через состояние *неопределенности*, которая возникает в результате столкновения предписаний абстрактного объективного права и конкретного, подлежащего правовому решению юридического дела. Например, спор о праве собственности порождает неопределенность в принадлежности субъективных прав и юридических обязанностей спорящих сторон. Чтобы покончить с неопределенностью, нужно “*решить* что-либо (*beschlossen*)”²⁵. Поэтому для устранения возникшей *неопределенности* необходимо вынесение управомоченным органом государства (судом) индивидуального решения в отношении индивидуально определенных лиц, в соответствии с которым субъектам права обеспечиваются признание и реализация принадлежащих им прав и обязанностей, предусмотренных в абстрактном виде в нормах объективного права. Иначе говоря, средством для достижения определенности права *in concreto* является процесс правоприменения, и в частности его такая стадия, как *субсуммирование*, когда фактические обстоятельства подводятся правоприменителем под предписания правовой нормы, и тем самым дается юридическая квалификация фактической основе дела, итогом которой будет принятое решение по конкретному казусу. В результате этой мыслительной операции преодолевается не-

²⁰ Гегель. Философия права. С. 79.

²¹ Власенко Н.А. Указ. соч. С. 14.

²² См.: Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. М., 2008. С. 75 и след.

²³ Nawiasky H. Allgemeine Rechtslehre als System der rechtlichen Grundbegriffe. Zuhrich/ Köln, 1948. S. 11.

²⁴ Ritters B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre. 9. Auflage. München, 2016. S. 26.

²⁵ Гегель. Философия права. С. 78.

определенность права для конкретной юридической ситуации. *Таким образом, критерием определенности права в данном случае, писал известный немецкий ученый-юрист и философ права начала XX в. К. Шмитт, который исследовал и развивал в своих трудах положения, относящиеся к критериям определенности права, будет процесс субсуммирования, поскольку он выступает не только как средство легитимации принимаемого решения, но и как одно из средств достижения определенности права (Rechtsbestimmtheit)*²⁶.

Следует заметить, что между состоянием неопределенности, вызванным необходимостью дать юридическую квалификацию фактическим обстоятельствам, и диалектическим переходом ее в определенность должен пройти промежуток времени, который можно обозначить как *ожидание определенности права (правовой определенности)*, что свойственно суждениям ряда зарубежных ученых. Итак, ожидание определенности права (правовой определенности) означает то, что каждый человек имеет право надеяться и ожидать признания, реализации и защиты своего права. Более того, обязанность суда и иного управомоченного органа государства обеспечивать правовую защиту является таковой, что все проблемы, имеющие правовой характер, должны разрешаться только в соответствии с действующим правом и на основе закона или иного источника права²⁷. В сложных случаях, как полагают отдельные зарубежные теоретики права, например А. Печеник (*A. Peczenik*), решение может быть обосновано суждениями о моральных ценностях, что выглядит несколько спорным с позиций отечественной правовой доктрины. В целом же суды обязаны принимать юридически оправданные решения. Поэтому отказ суда от принятия решения по конкретному делу является не только противоправным, но и аморальным, поскольку препятствует реализации такого права человека как право на доступ к правосудию. Вместе с тем гражданину может быть отказано в защите его права по процессуальным основаниям, но все же с суда в принципе не снимается юридическая обязанность достичь необходимого решения безотносительно

к трудностям процессуального или иного характера, относящимся к принятию решения по существу дела.

Таким образом, состояние неопределенности права, выразившееся в моменте напряженности между абстрактным предписанием нормы права и необходимостью дать официальную юридическую оценку фактическим обстоятельствам, которая еще не дана на ее основании, может быть снято и снимается в принимаемом правоприменителем индивидуальном решении, в соответствии с которым для субъектов права несомненно наступает определенность в их субъективных правах и юридических обязанностях.

Понятие "*снятие*" ("*Aufheben*") употребляется Гегелем в "Науке логики", а также в других его философских работах. Ученый считал его одним из важнейших понятий философии, имеющим "в немецком языке двойкий смысл: оно означает сохранить, *удержать* и в тоже время прекратить, *положить конец*... Нечто снято лишь постольку, поскольку оно вступило в единство со своей противоположностью"²⁸. Следовательно, *снятием* известного противоречия заканчивается, прекращается диалектический процесс перехода права в конкретную его определенность. В решении правоприменительного органа в состоянии диалектического единства выражаются и удерживаются в снятом виде применительно к индивидуализированным субъектам *деонтические* свойства нормы права и *фактические* обстоятельства дела, подлежащие юридической оценке. Возможность вынесения решения заключается в способности суждения, которая выражается в подведении судьей или иным правоприменителем конкретного случая под уже существующее правило, а не (что очень важно заметить для нашего исследования) формулирование или установление собственно правила поведения. Данный вид способности суждения Кант именует *определяющим суждением*. Процесс подведения отдельного случая под уже существующее правило — это оценочная деятельность суда, которая, однако, не носит аксиологического характера, поскольку в норме права дается *аксиологическая* оценка фактов, отношений, поведения и т.д. В правовой науке такую деятельность принято называть, как уже ранее отмечалось, юридической квалификацией.

По сути, правотворчество и правоприменение являются собой оценочную деятельность управомоченных субъектов правотворчества и право-

²⁶ См.: Rechtsgewinnung und Erbhofrecht. Eine Analyse der Methoden in Wissenschaft und Rechtsprechung des Reichserbhofrechts Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Würde eines doctor iuris der Juristischen Fakultät der Bayerischen Julius-Maximilians-Universität zu Würzburg vorgelegt von Christian Sigmundtaus Aachen, 2005. S. 58.

²⁷ См.: Raitio J. The principle of legal certainty in EC Law. Springer-science+Business media, B.V. 2003. P. 340.

²⁸ Гегель. Наука логики. С. 92.

применения с той лишь существенной разницей, что результатом оценки правотворцем фактов реальной жизни является норма права, а итог юридической квалификации, которая дается правоприменителем и представляет собой разновидность оценочной деятельности, — это **суждение** о соответствии конкретного случая тем юридическим признакам, которые указываются в установленном правиле. Таким образом, судья обращается к праву с тем, чтобы отличить правильное от неправильного, дозволенное от недозволенного, правомочное от неправомочного. В этом случае он поступает индивидуально, исходя из особенностей каждого конкретного казу-

са, не создавая право, а придает ему свойство определенности²⁹. В его решении как акте суждения о частном случае нет императивов, предписывающих, приказывающих, что делать, а чего не делать, т.е. решение не устанавливает нормы, имеющей, подобно закону, всеобщий характер, поскольку она уже установлена в соответствующей норме права. В нем (судебном решении) содержится **определенное** суждение о правомерности либо неправомерности поведения того или иного субъекта права.

²⁹ См.: Корнев В.Н. О природе судебного решения // Росс. правосудие. 2014. № 4 (96). С. 19.

DIALECTICS OF CERTAINTY AND UNCERTAINTY OF LAW

© 2018 V. N. Kornev

Russian state University of Justice, Moscow

E-mail: prorektor_nauka@rsuj.ru

Поступила в редакцию 06.04.2018

The theme of certainty and uncertainty of law is one of the key to legal science and practice. It is essential for both law-making and law enforcement. In the domestic and foreign theory of law can be found different understanding of these categories and different methodological approaches to the study of this problem. The purpose of this article is to analyze, in the context of the main provisions of the Hegelian "Science of Logic", "Philosophy of Law", the works of foreign and domestic legal scientists, which constitute the methodological basis of research, the dialectical process of the transition of the certainty of law **in abstracto** into uncertainty and formation legal certainty. In the process of research, one-sidedness of the conclusions of individual scientists is revealed that the state of certainty and uncertainty of law is manifested exclusively in the sphere of verbal formulations of articles of laws and other normative legal acts. The article formulates a judgment that, from the philosophical and legal point of view, law as a complex socio-psychological phenomenon possesses a set (system) of invariable qualitative properties inherent only to it as one of the most important social regulators of human behavior. The law is abstract in nature, and at the same time specifically, because its rules and principles are addressed to everyone and everyone. Consequently, the right in itself represents the dialectical unity of uncertainty and certainty. Uncertainty of law in concreto is revealed when there are legal facts requiring legal qualification. It is concluded that the decision of the court or other law enforcement agency to resolve a specific legal situation is considered as the moment of termination and removal of the contradiction that arose between the properties of the uncertainty of the rule of law and actual circumstances, i.e. as the achievement of certainty **in concreto**.

Key words: law, Rule of Law, certainty, uncertainty, dialectics, expectation of certainty, heteronomy of will, autonomy of will, decision, subjective rights, legal obligations, positive law.